

Анархизм: перезагрузка

Ури Гордон

2020 г.

Оглавление

Краткое содержание	3
Введение	4
Политическая культура и идеологическое содержание	8
Борьба против господства	14
Прямое действие/префигуративная политика	19
Разнообразие и открытость	23
Заключение	28

Краткое содержание

Современное возрождение анархизма в глобальном масштабе заслуживает серьезного внимания со стороны исследователей идеологии. Как определяющая ориентация известных активистских сетей, анархизм сегодня является главной точкой отсчета для движений радикальных социальных изменений на Севере и представляет собой зрелый и сложный жанр политического выражения. Эта статья предлагает синхронный и диахронический анализ современной анархистской идеологии, основанный на исследованиях участников широкомасштабного идеологического выражения в сетях анархистского движения. Я определяю и обсуждаю три основных концептуальных кластера, которые отмечают стабильное идеологическое ядро современного анархизма: (а) построение концепции «господства» и активного противостояния всем его формам и системам, (б) этос прямого действия как основной способ политического взаимодействия, как деструктивного, так и конструктивного, и (в) открытый экспериментальный подход к революционным видениям и стратегиям, который поддерживает эпистемологический плюрализм и прочно основан на действии в настоящем времени. С диахронической точки зрения утверждается, что эти три элемента являются продуктом сетевого и идеологического сближения экологических, феминистских, антивоенных и антинеолиберальных движений, связанных с многоцелевой политикой альтернативной глобализации и политикой местных масс. Таким образом, возрождение анархизма подчеркивает преемственность между сетями движений, политической культурой и идеологической артикуляцией, а также привлекает внимание к важным процессам в жизненных циклах идеологических формаций.

Введение

За последние десять лет произошло полномасштабное возрождение анархизма как глобального социального движения и связанного набора политических дискурсов в масштабах и на уровнях единства и разнообразия, невиданных с 1930-х годов. От антикапиталистических социальных центров и экофеминистских сообществ до шумных уличных вечеринок и блокад международных саммитов, анархистские формы сопротивления и организации были в центре движения за «альтернативную глобализацию» и размывали, разрушали и реконструировали представления о политическом действии и артикуляции. Несмотря на это, но, возможно, неудивительно, учитывая его традиционную маргинализацию в академических кругах, современный анархизм не получил постоянного внимания со стороны исследователей. В этой статье предлагается анализ современной анархистской идеологии на основе подхода, основанного на движениях, который подчеркивает преемственность между культурой и жизненными циклами социальных движений и развитием широкомасштабного массового идеологического выражения. Основанная на пятилетних эмпирических и теоретических исследованиях политического дискурса сетей активистов, основная цель данной статьи — предложить основу для понимания идеологического выражения, которое, как мы видим, преобладает в радикальном, прямом действии антивоенного движения и движения альтернативной глобализации — месте современного анархизма. В центре этой статьи — синхронный анализ современной анархистской идеологии, который интерпретирует идеологические рамки, выраженные широко распространенными тенденциями в практике и политическом языке анархистских активистов. Я утверждаю, что они отображают три основных концептуальных кластера, которые определяют значения и отношения между центральными ключевыми словами в анархистском политическом языке и составляют формирующееся стабильное ядро идеологии. Первый — это построение концепции «господства», которая разъясняет, как анархисты конструируют то, против чего они возражают в обществе. Второй — это кластерные идеи, связанные с прямым действием и этосом «префигуративной политики», выражающие мысли анархистов о своей методологии социальных изменений. Третий — это строго открытая концепция политики, которая отделена от любого понятия постреволюционной точки покоя, выражая экспериментальный характер анархистских стратегий и их сосредоточенность на настоящем времени.

Синхронный анализ пронизывают элементы диахронического описания, которое прослеживает источники сегодняшних идеологических конфигураций, которые я обсуждаю, до трансформационных процессов в деятельности социальных движений в последние десятилетия. Из этого описания очень ясно вытекает, что современный анархизм лишь эфемерно связан с либертарно-социалистическими движениями и идеями девятнадцатого и начала двадцатого веков, которые были фактически вытеснены фашизмом, большевизмом и американской красной паникой в первой

половине прошлого века. Вместо этого, движущую силу сегодняшнего анархизма можно найти в сети — и идеологическом сближении, которое происходит среди движений, чьи начала никогда не были сознательно анархистскими, — в частности, перекрёстных формулировках радикальной экологии, волн воинствующего феминизма, движений за освобождение чернокожих и ЛГБТ+ и антинеолиберального интернационализма, запущенных движениями глобального Юга, наиболее известными из которых являются мексиканские сапатисты. Здесь я обращаю внимание на процессы взаимного обогащения, которые оказали большое влияние на развитие политического дискурса в этих группах, производящих идеологию. Хотя полная генеалогия выходит далеко за рамки данной статьи, упоминается несколько взаимосвязанных тенденций, которые способствовали появлению узнаваемого анархистского процесса — появлению политики, состоящей из нескольких вопросов, которая затрагивает пересекающиеся угнетения, распространение прямого действия и его стратегических последствий, а также укоренённость движения в западных субкультурных пространствах.

В более широком смысле, эта статья пытается продемонстрировать, что подход, ориентированный на движения, может сделать для изучения идеологий. Подход к идеологиям, действующим в социальных движениях, обязательно включает в себя изучение массового или, по крайней мере, широкомасштабного социального мышления. Такое начинание включает в себя вопрос о том, как участники понимают свою собственную практику и более широкий политический мир, в котором они живут, и исследование процессов идеологического производства и эволюции в плотных социальных сетях. Основное предположение состоит в том, что подлинная картина идеологической артикуляции движения может возникнуть только из внимания к вербальной среде, в которой происходит большая часть этого движения. Таким образом, хотя книги, брошюры и веб-сайты не следует игнорировать, основным материалом для интерпретации является непрерывная и полифоническая разговорная деятельность, которая происходит между участниками, будь то в форме относительно абстрактных обсуждений ценностей и приоритетов или, что более часто, как идеологические утверждения, которые появляются во время планирования и оценки кампаний, протестов и прямых действий — дискурсы, в которых преломляются мнения, убеждения, нарративы, разногласия и мифы, составляющие идеологический мир активистов. Чтобы получить доступ к этому дискурсу, подход к изучению идеологий, ориентированный на движения, использует стратегию, вдохновленную этнографией, которая делает акцент на непосредственном наблюдении за местной культурой активистов.

Моя собственная стратегия включала пять лет встроенных исследований с анархистскими активистами и коллективами, участвующими в разнообразных местных кампаниях и проектах, дискуссионных группах, а также в массовых международных мобилизациях и акциях протеста. В Великобритании к ним относятся местная анархистская сеть в Оксфорде, антиавторитарные коалиции, организующие первомайские акции и антивоенные демонстрации, британская сеть Earth First! (которая в отличие от своего американского аналога однозначно анархистская) и сеть Dissent!, сопротивляющаяся саммиту «большой восьмерки» 2005 года. Было также проведено наблюдение за международными мобилизациями, включая протесты против Боль-

шой восьмерки в Генуе (2001 г.), Эвиане (2003 г.) и Глениглсе (2005 г.) и протесты против ЕС в Ницце (2000 г.), Брюсселе (2001 г.) и Барселоне (2002 г.), а также несколько собраний международных активистов, в том числе международный лагерь протеста «Нет границ» в Страсбурге (2002 г.), европейские встречи сети Peoples' Global Action в Лейдене (2002 г.) и Дижоне (2003 г.), а также антиавторитарные мероприятия, сопровождающие европейские Социальные форумы во Флоренции (2002 г.) и Лондоне (2004 г.). Для дальнейшего отслеживания транснациональных связей я отслеживал англоязычные и испаноязычные списки адресов электронной почты и веб-дискуссионные группы, а также поддерживал контакт с анархистской деятельностью в Северной Америке посредством электронной переписки и встреч с организаторами, посещающими Европу.

Подход участника имеет решающее значение для вопросов надежности и подлинного представительства. Без встроенного присутствия в анархистских сетях теоретик может прийти к совершенно ошибочным суждениям об относительной важности различных анархистских идей и тенденций, что приведет к академической оценке, имеющей мало общего с реальностью. В качестве контрпримера возьмем очевидную отправную точку для неучаствующего исследователя: Интернет. Большая часть анархистской артикуляции происходит в сети, буквально сотни веб-сайтов, посвященных новостям, объявлениям и полемике с анархистской точки зрения, доступны для рассмотрения. Однако, без каких-либо заранее установленных маркеров, как исследователь может узнать, являются ли определенная анархическая группа, идеологическая конфигурация или набор аргументов, встречающихся в сети, каким-либо образом репрезентативными или влиятельными? Поскольку любой, у кого есть минимальные навыки веб-публикации, может создать веб-сайт и размещать на нем все, что пожелает, очень легко представить большой объем материала в привлекательной обстановке, которая производила бы впечатление известности и важности, хотя на самом деле была бы обманчиво «громче» в сети, чем на самом деле. Сравните впечатление о влиянии, создаваемое веб-сайтом «Промышленных рабочих мира» (www.iww.org), и его общим количеством членов в США, составлявшим 1298 товарищей по состоянию на июнь 2005 г. — факт, который не раскрывается нигде на веб-сайте, только в ежегодном отчете Министерству труда США. [1: Данные, полученные через форму поиска здесь] Таким образом, в то время как сетевые исследования представляют анархо-синдикализм как выдающуюся современную тенденцию, заслуживающую серьезного рассмотрения, укоренившаяся позиция участника позволяет ему или ей понять, что на самом деле это очень незначительная тенденция. Это устанавливает важность гораздо более богатой ориентации, доступной наблюдающему участнику, который сталкивается с движением и его культурой как с габитусом, а не как с «другим», опосредованным и ограниченным текстами, которые он создает.

Прямая встреча со словесным идеологическим выражением дополняется анализом анархистских текстов, от книг и эссе до листовок, брошюр, новостей и публикаций в Интернете. Здесь также решающее значение для того, чтобы определить, насколько репрезентативен и/или влиятелен данный текст, имеет предыстория участника, и выбор материала для анализа должен основываться на хорошем предварительном знакомстве с населением, которое его пишет и читает. Только вовлеченность

в активистские сети может позволить достаточно грамотный подход к письменному выражению активистов, поддерживая обоснованные суждения об относительной важности и контекстуальном чтении текстов.

Политическая культура и идеологическое содержание

Одна из причин того, что академические круги не видят современного анархизма, заключается в том, что это относительно недавнее явление. Узнаваемое глобальное анархистское движение созрело только в последнее десятилетие, и следует ожидать, что анализ будет отставать от развития его собственного объекта исследования. Другая, возможно, более важная причина заключается в том, что присутствие значительной части анархистского движения сегодня скорее скрыто, чем открыто. Хотя существуют самоопределенные формальные анархистские организации (такие как Британская и Французская анархистские федерации), основная часть движения действует через неформальные и специализированные политические образования, часто без явного анархического ярлыка и скрытые более широкими движениями альтернативной глобализации, экологическими и антивоенными движениями, в которые она встроена. Также существует нежелание использовать ярлык «анархист» со стороны многих групп, чья политическая культура и дискурс явно заслуживают этого обозначения. Это происходит не из-за каких-либо политических разногласий с тем, что это слово представляет для активистов, а из-за желания избежать его негативного багажа в общественном сознании. Таким образом, участники движения часто говорят о себе как об «автономных», «антиавторитарных» или «горизонтальных» (то есть, горизонтальной, а не нисходящей организации) — эти слова используются с единственной целью — не говорить «анархистский» из-за популярной коннотации хаоса и насилия, присущей этому слову. Это влечет за собой отсутствие признания существования анархического движения как такового, игнорируя плотные паттерны общения и сотрудничества между этими формациями, а также их идеологическую сплоченность и общую коллективную идентичность.

Однако слова «анархизм», «антиавторитаризм» и «горизонтальность» следует рассматривать не как противоречащие друг другу, а как синонимы одного и того же: четко определенной политической культуры, которая является сущностью, наиболее подходящей для названия «анархизм». Таким образом, действительно можно связно говорить об анархистском движении в наши дни, если принять во внимание сети и культурные изменения в теории социальных движений — как в определении Марио Диани социального движения как «сети неформальных взаимодействий между множеством людей, групп и/или организаций, вовлеченных в политический или культурный конфликт на основе общей коллективной идентичности». [2: M. Diani, 'The Concept of Social Movement,' *Sociological Review*, 40 (1), 1992, p. 13] Анархическая политическая культура, которая объединяет это движение и наполняет его содержанием, лучше всего понимается как общая ориентация на способы «ведения политики», которая проявляется среди его сетей в общих формах организации (ан-

тиавторитарных, неиерархических, основанных на консенсусе); в общем репертуаре политического выражения (прямое действие, построение альтернатив, работа с обществом, конфронтация); в общем дискурсе и идеологии (ключевые слова и их взаимосвязь, аргументы и нарративы — центр внимания данной статьи); и в более широких «культурных» общих чертах одежды, музыки и диеты.

Место, в котором эти культурные коды воспроизводятся, обмениваются и пре-терпевают мутации и критическую рефлексию, является локусом анархизма как движения, контекстом, в котором многие очень активные политические субъекты могут сказать слово «мы» и понять примерно то же самое — коллективная идентичность построена вокруг утвержденного общего пути мышления и действий. Таким образом, архитектуру сегодняшнего анархистского движения можно описать как децентрализованную сеть связи, координации и взаимной поддержки между автономными узлами социальной борьбы, в подавляющем большинстве не имеющую формального членства или фиксированных границ. Этот сегментарный, полицентричный и ретиккулярный формат организации социального движения можно сравнить с ризомой — бескостебельной луковичной корневой массой таких растений, как картофель или бамбук, не имеющей стебля, — структурой, основанной на принципах связи, гетерогенности, множественности и нелинейности. [3: *Метафора заимствована из дискуссии Делёза и Гваттари о знании. cf. G. Deleuze and F. Guattari, A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia (Minneapolis, MI: University of Minnesota Press, 1987), pp. 7–13.*]

Хотя сеть или ризома является подходящей метафорой для архитектуры движения на макроуровне, следует пояснить, что основная часть продолжающейся анархистской практики и дискурса происходит на микроуровне личных коллективов и аффинити-групп, а также на мезоуровне местной среды или (мини-) сети анархистов в конкретном регионе, таком как город или городок. Местная среда — это контекст, в котором большинство, но не все участники хорошо знакомы друг с другом, и могут включать участников, которые также организованы как коллективы между собой. Местная среда — это резерв, из которого собираются аффинити-группы для определенных действий, и под эгидой которого организуются многие неконфронтационные мероприятия без явных аффинити-групп (киоски, раздача листовок, небольшие демонстрации и мероприятия, приносящие пожертвования, такие как просмотр фильмов и вечеринки). Местная среда также является ареной, в которой анархисты чаще всего координируют и сотрудничают с другими действующими лицами, такими как ассоциации граждан, молодежные группы, более радикальные элементы спектра благотворительности и НПО, а также местные отделения зеленых и даже коммунистических партий.

Можно увидеть, что анархистская политическая культура оживляет ткань племенной солидарности в движении, которая проистекает из личного контекста местных аффинити-групп и активистской среды — небольших «банд» и «расширенных семей», где основная солидарность зарождается на самом интимном уровне личного доверия и дружбы. Более крупномасштабная солидарность становится возможной благодаря дальнейшему пересечению этих локальных сред, то есть посредством комбинированного воспроизводства сетей доверия и близости среди активистов из различных анархистских и неанархистских политических взглядов. Особая дина-

мика, присущая племенной солидарности, заключается в том, что помимо уровня личных связей существует инстинктивная тенденция распространять ее также на предполагаемых членов большой семьи или племени. Здесь чувство идентификации, а также обоюдность и взаимность, которые оно мотивирует, основано на общих культурах сопротивления и взглядах на социальные изменения. При обмене мнениями между активистами из разных стран, которые встречаются впервые, знакомство часто определяется наличием различных культурных индикаторов происхождения и политической ориентации. Таким образом, племенная солидарность существует как возможность, которая может быть реализована самим собой, дестабилизируя границы членства и нечленства.

Эта статья фокусируется на дискурсивном аспекте анархической политической культуры — политическом языке, который разграничивает анархизм как идеологию. Задача здесь состоит в том, чтобы прояснить ментальные сопоставления, которые наблюдаются среди анархистов, исследуя сущность ключевых слов, которые присутствуют в их устном и письменном выражении, и то, как различные ключевые слова расположены по отношению друг к другу. В своем активистском качестве анархисты используют такие ключевые слова, как «господство» или «прямое действие» в качестве культурных означающих, которые, в свою очередь, действуют как гиперссылки на более широкие семантические поля. Это способствует выражению идей в публичной сфере и установлению точек соприкосновения между самими активистами. Следовательно, поскольку анархизм рассматривается как идеология, следует помнить, что, поступая таким образом, человек совершает акт экстраполяции культурных кодов, который предлагает определенные способы формулировки и концептуализации гораздо более интуитивных и эмпирических составляющих анархистского дискурса. Таким образом, обсуждение идеологического аппарата движения должно происходить в контексте политической практики, которую оно выражает и на которую оказывает влияние, при исследовании «избытка смысла», который активисты порождают в своем дискурсе, — следствий идеологических высказываний, о которых участники могут быть не полностью осведомленными. [4: Cf. P. Ricoeur, *Interpretation Theory: Discourse and the surplus of meaning* (Fort Worth: Texas Christian University Press, 1976).]

Для эвристических целей я бы предложил такое понимание анархической идеологической морфологии, которое подходит к ней извне внутрь. Снаружи находится набор идеологических маркеров, которые определяют основные правила анархической языковой игры, набор деконтекстаций первого порядка, изучение которых проводится в центре этой статьи. Они создают периметры, которые охватывают «цитоплазму» гораздо более свободной и экспериментальной артикуляции, где существует разнообразная полифония идей и подходов, отмеченная возрождающейся напряженностью вокруг деконтекстации политических концепций второго порядка (власть, насилие, современность...), напряженности, которая структурирует развитие дискурсивных тенденций в анархизме. Поскольку устные споры и сочинения активистов способствуют распространению идей в движении, такие концепции переосмысливаются и перекодируются в ответ на мировые события, политические союзы и тенденции в культуре прямого действия.

Хотя представленная здесь картина анархистской идеологии в конечном итоге основана на оценке словесного выражения, полезный первый проблеск ее можно найти в особом классе письменных документов, которые представляют собой репрезентативные артефакты активистского дискурса — документы, озаглавленные «принципы единства», «заявления о миссии» и «отличительные черты», которые создают или одобряют почти все группы активистов. Такой документ не задуман как конституция или политическая программа, а скорее как риторическое пространство, в котором указывается «изюминка» политики, которую представляют такие группы — по сути, утверждение коллективной идентичности. Такие заявления выполняют три важные политические функции. Глядя внутрь, они устанавливают для участников систему координат, которую можно символически использовать как набор базовых руководящих принципов для разрешения споров. Глядя вовне, они пытаются выразить политическую идентичность движения широкой аудитории. И, глядя «в сторону», они определяют линии, по которым солидарность распространяется или отвергается другим участникам движения. В качестве содержательных заявлений такие документы служат очень полезной отправной точкой для идеологического анализа анархизма.

Наиболее широко используемый документ такого рода — это «отличительные черты» сети Peoples' Global Action (PGA) — всемирной координации антикапиталистических групп и движений, запущенной на международном *encuentro*, организованном сапатистами в 1996 году. Эти отличительные черты служили широко и во всем мире в качестве основы для действий и коалиций, и были одобрены большим количеством групп как базовое выражение их политики — хотя этот факт малоизвестен за пределами движения, и важность отличительных черт как основополагающего выражения анархической политики вполне может ускользнуть от внешнего наблюдателя. Текущая формулировка отличительных черт выглядит следующим образом:

1. Очень четкое отрицание капитализма, империализма и феодализма; всех торговых соглашений, институтов и правительств, способствующих разрушительной глобализации.
2. Мы отвергаем все формы и системы доминирования и дискриминации, включая, помимо прочего, патриархат, расизм и религиозный фундаментализм всех вероисповеданий. Мы ценим достоинство всех людей.
3. Конфронтационное отношение, поскольку мы не думаем, что лоббирование может иметь большое влияние на такие предвзятые и недемократические организации, в которых транснациональный капитал является единственным реальным лицом, определяющим политику.
4. Призыв к прямым действиям и гражданскому неповиновению, поддержка борьбы социальных движений, отстаивание форм сопротивления, обеспечивающих максимальное уважение к жизни и правам угнетенных народов, а также к созданию местных альтернатив глобальному капитализму.

5. Философия организации, основанная на децентрализации и автономии. [5: *Peoples' Global Action Network, Hallmarks. Internet: <http://www.nadir.org/nadir/initiativ/agp/free/pgahallm.htm>*]

Теперь, несмотря на явный резонанс её отличительных черт, PGA никогда не определялась явно как анархическая сеть. Среди отличительных черт отсутствует явное неприятие государства, хотя их можно интерпретировать с добавлением того, что все правительства по определению «способствуют разрушительной глобализации» и поэтому должны быть отвергнуты. Эта преднамеренная неясность объясняется главным образом тем, что на глобальном уровне, применимом к сети PGA в целом, явная ссылка на анархизм не отдаёт должное разнообразию групп его участников, которые включают многочисленные крестьянские движения из Азии и Латинской Америки, которые никогда не отождествлялись с анархизмом или с каким-либо другим набором идей, укорененных в общем европейском историческом опыте. Однако в европейском или североамериканском окружении такие отличительные черты, как у PGA, устанавливают периметры явно анархического политического пространства путем, так сказать, исключения. Они исключают такой длинный список особенностей общества и подходов к социальным изменениям, что то, что осталось, по крайней мере с точки зрения общественного дискурса в развитых капиталистических странах, неизбежно является своего рода анархизмом. Это происходит совершенно без ссылки на анархизм как на ярлык, но результаты остаются теми же. Третья черта, например, явно отделяет политическое пространство PGA от того, в котором работают НПО и группы защиты интересов, работая над изменением ВТО и других глобальных торговых систем, исходя из логики их собственной деятельности посредством лоббирования. Пятый отличительный признак можно легко понять как исключение централизованных и иерархических методов организации авторитарных левых, при этом оставляя пространство для разнообразия неиерархических организационных традиций, от племенных ассоциаций народов маори и майя до индийской кампании, вдохновлённой *сарводая*, и структур западных анархистов, основанных на аффинити-группах.

Отличительные черты PGA и другие подобные документы выражают три основных концептуальных кластера, присутствующих в устном анархическом дискурсе. Первый — это отказ от «всех форм господства» — термин, включающий в себя разнообразные социальные институты и динамику (фактически, большинство аспектов современного общества), которым анархисты стремятся бросить вызов, разьесть и в конечном итоге ниспровергнуть. Именно это обобщение цели революционной борьбы от «государства и капитала» к «господству» наиболее отчетливо отделяет современный анархизм от его предыдущих поколений. Во-вторых, мы находим ссылки на прямое действие, многогранный термин, который отражает подход «сделай сам», оживляющий репертуар действий анархистов и сочетающий в себе как стратегии двоевластия (создание массовых альтернатив, которые должны «продырявить» капитализм), так и акцент на реализации либертарных и эгалитарных социальных отношений внутри самого движения. Третий жест присутствует в том, чего в подавляющем большинстве не хватает в этих утверждениях, — в подробных прогностических планах желаемого будущего общества. Это не означает, что анархизм просто деструк-

тивен, но то, что ожидается, что его конструктивные аспекты будут артикулированы в экспериментах с префигуративной политикой в настоящем времени, а не как *априорная* позиция. Это придает анархизму полностью открытое измерение, в результате чего он избегает любого понятия «постреволюционной точки покоя». Вместо этого анархисты пришли к тому, чтобы перенести свое понятие социальной революции в настоящее время. Неиерархические, анархические способы взаимодействия больше не рассматриваются как элементы, на основе которых можно моделировать будущее общество, а скорее как вездесущий потенциал социального взаимодействия здесь и сейчас — «революция повседневной жизни». [6: *Эта фраза впервые была придумана ситуационистами — радикальной группой художников и писателей, получивших известность во время студенческих восстаний во Франции в мае 1968 года — и использовалась в качестве названия для одной из созданных ею ключевых работ: R. Vaneigem, The Revolution of Everyday Life (London: Rebel Press, 2001).*] Эти три аспекта формируют устойчивое ядро анархистской идеологии в наши дни, каждый из которых я сейчас буду подробно обсуждать.

Борьба против господства

С конца 1960-х годов социальные движения устанавливают связи в теории и на практике между различными вопросами кампании, обращая внимание не только на конкретные недовольства, но и на более фундаментальную критику стратифицированных и иерархических социальных структур. Рост в последние десятилетия многопрофильных движений, проводящих кампании за различные программы — экономическая справедливость, мир, феминизм, экология — сопровождался связями между этими программами, которые смягчали то, что в противном случае было бы фрагментацией политической энергии, и предоставляли платформы для солидарности и сотрудничества на месте. Активисты движения постепенно пришли к пониманию взаимозависимости своих программ, проявляющейся по различным направлениям, таким как экологическая критика капитализма, феминистский антиимпериализм и взаимосвязь расовой и экономической сегрегации. Особого упоминания здесь заслуживают экологические движения, повестка которых — по самой своей природе охватывающая весь спектр взаимодействия между обществом и природной средой — придает им сквозную перспективу, которая неизбежно затрагивает множество социальных, экономических и идеологических сфер. Между прочим, интересно отметить, что, хотя холистический подход радикального экологического движения первоначально привел его к тяготению к формулировкам «сдвига сознания», связанным с глубинной экологией, отсутствие у последней серьезной социальной критики оставило многих активистов неудовлетворенными. На протяжении 1990-х годов растущая конфронтация эко-радикалов с правительствами и корпорациями в ходе их борьбы придавала движению очень сильное антикапиталистическое и антигосударственное измерение, из-за которого их зеленый цвет, так сказать, затемнялся и превращался в узнаваемый анархистский чёрный.

Совпадение вопросов кампании сопровождалось растущим акцентом в радикальном сообществе на пересечении многочисленных форм угнетения, выводя борьбу за рамки ранее определенных программ. Черные женщины, маргинализированные в преимущественно белых феминистских кругах и часто сталкивающиеся с явным сексизмом в освободительных движениях чернокожих, начали мобилизоваться в автономных черных феминистских движениях, о которых было объявлено основанием в 1973 году Национальной организации черных феминисток и Чернокожих женщин, организованных для действий. [7: Cf. B. Roth, *Separate Roads to Feminism* (New York: Cambridge University Press, 2004); P.H. Collins, *Black Feminist Thought* (London: Routledge, 2000).] Вскоре эти движения выдвинули на первый план концепцию «одновременного угнетения» — личного и политического осознания того, как раса, класс и гендер дополняют друг друга как арены исключения, в сложных и взаимоусиливающих отношениях. В 1980-е годы движение за права геев в Европе и Северной Америке продолжало расширяться, лесбийские и бисексуальные организации связывали фе-

министские и гомосексуальные программы освобождения и претендовали на свое место в прежде преимущественно мужской сфере. [8: Cf. E.A. Armstrong, *Forging Gay Identities: Organizing Sexuality in San Francisco, 1950–1994* (Chicago: University of Chicago Press, 2002); F. Martel, *The Pink and the Black: Homosexuals in France since 1968* (Stanford, CA: Stanford University Press, 1999).] С наступлением кризиса ВИЧ/СПИДа в конце того же десятилетия эти программы приняли еще более радикальный поворот, когда группы активистов, такие как американская АСТ UP, сделали сильный акцент на прямых действиях и сосредоточились на фармацевтических корпорациях, оставляющих цены на лекарства от ВИЧ недоступными. Динамика происходила под эгидой Queer Nation, основанной летом 1990 года, которая подчеркивала разнообразие и включение всех сексуальных меньшинств. К середине 1990-х квир-женщины и цветные мужчины основали свои собственные организации и явно строили свою борьбу на пересечении расизма, гетеросексизма, патриархата и класса.

Современный анархизм уходит своими корнями в эти сплетения радикальной феминистской, экологической, антирасистской и квир-борьбы, которые окончательно слились в конце 1990-х годов в результате глобальной волны протеста против политики и институтов неолиберальной глобализации. Это привело к тому, что анархизм в своем возрождении присоединился к более обобщенному дискурсу сопротивления. Столетие назад борьба с патриархатом и расизмом, например, была относительно незначительной проблемой для большинства анархистов, но теперь она широко признана как неотъемлемая часть анархистской повестки. В результате этой интеграции анархические дискурсы сопротивления стали тяготеть к новой концепции — концепции *господства*.

Слово «господство» занимает центральное место в анархистском политическом языке, что видно из бесчисленных высказываний, свидетелем которых я стал в ходе своих исследований. Для анархистов это парадигма, регулирующая микро- и макрополитические отношения, поддерживаемые посредством «воспроизводства повседневной жизни». [10: F. Perlman, 'The reproduction of everyday life' (Detroit: Black and Red, 1969). Internet: <http://www.spunk.org/library/writers/perlman/sp001702/repro.html> / <http://www.spunk.org/library/writers/perlman/sp001702/repro.html>]]] Господство — это не ценность, такая как свобода, равенство или солидарность — это антиценность: то, что анархисты хотят отрицать. Слово в его анархистской деконтекстации служит общей концепцией для различных систематических характеристик общества, посредством которых группы и люди контролируются, принуждаются, эксплуатируются, унижаются, дискриминируются и т. д. — все эти динамики анархисты стремятся раскрыть, бросить им вызов и разрушить их. Функция концепции господства, как ее конструируют анархисты, состоит в том, чтобы выразить встречу с семейным сходством среди всего ансамбля такой социальной динамики, или, точнее, среди артикулированных этой динамики теми, кто борется с ней. [11: *Понятие семейного сходства* заимствовано у Л. Вумгенштейна, *Philosophical Investigations* (Oxford: Blackwell, 2003), §§65–67.] Эта связь очевидна в многочисленных высказываниях, таких как следующее коммюнике активистов Kvisa Shchora (Черная прачечная) — израильской группы прямых действий ЛГБТ против оккупации и за социальную справедливость:

Угнетение различных меньшинств в государстве Израиль питается тем же расизмом, тем же шовинизмом и тем же милитаризмом, которые поддерживают угнетение и оккупацию палестинского народа. Не может быть настоящей свободы в гнетущем, оккупирующем обществе. В военном обществе нет места разным и слабым; лесбиянкам, геям, трансвеститам, транс-сексуалам, иностранным рабочим, женщинам, израильтянам-мизрахи [ближневосточного или североафриканского происхождения], арабам, палестинцам, бедным, инвалидам и другим. [12: *Black Laundry* (2001) 'Nails and feathers' http://www.blacklaundry.org/pdfs/Wigstock_sept01.pdf]

Таким образом, термин «господство» привлекает внимание к множеству частичных совпадений между различными переживаниями, с которыми приходится бороться, создавая общую категорию, которая поддерживает соответствие между переживаниями, которые остаются основанными на их собственных конкретных реальностях. Таким образом, термин «господство» по-прежнему включает бесчисленное множество форм угнетения, исключения и контроля со стороны тех, кто им подчиняется, в бесчисленных индивидуальных и коллективных местах сопротивления. Это, конечно, не означает, что во всех этих отношениях присутствуют одни и те же механизмы или что они действуют одинаково. Тем не менее, именно дискурсивное движение *именования* господства позволяет анархистам преодолевать специфические антагонизмы в направлении общего сопротивления, которое они продвигают. Если есть одна отличная отчётливая точка для анархистского подхода, то это этот акт именования.

Систематический характер господства часто выражается в отношении ряда всеобъемлющих «форм», «систем» или «режимов» господства — безличных наборов правил, регулирующих отношения между людьми, правил, которые не устанавливаются автономно теми людьми, которые помещены в отношения (включая господствующую сторону), яркими примерами которых являются патриархат, превосходство белых и наемный труд. [13: Термины «патриархат»⁽¹⁾ и «превосходство белых» предпочтительнее здесь «сексизму» и «расизму», поскольку речь идет о структурных моделях социальных отношений, а не о предубеждении и фанатизме отдельных людей.] Режимы господства — это всеобъемлющий контекст, который анархисты рассматривают как обуславливающий социализацию людей и исходные предположения о социальных нормах, объясняя, почему люди *впадают* в определенные модели поведения и имеют ожидания, которые способствуют сохранению отношений господства. Из-за своего принудительного характера режимы господства также являются чем-то, от чего нельзя просто «отказаться» при нормальных обстоятельствах. Женщины или небелые люди сталкиваются с дискриминацией, барьерами доступа и уничижительным поведением по отношению к ним во всем обществе, и не могут просто уйти из их складок

⁽¹⁾ Стоит отметить, что автор здесь допускает грубую ошибку, сравнивая патриархат с превосходством белых, ибо пока расовая структурная модель социальных отношений действительно подразумевает главенство белых над другими расами, исследования последних десятилетий нашли в геднерной структурной модели так много систематических мужских уязвимостей / женских привилегий, часто даже признанных и закрепленных законодательством, что мы больше не можем называть её патриархальной. Феминистки и маскулисты предлагают новые термины: кириархат, гендерная система,

или пожелать их исчезновения. Попытка жить вне их — это уже акт сопротивления. Как выразился выдающийся писатель-анархист Боб Блэк, в господстве виноваты и никто, и все:

«Настоящий враг» — это совокупность физических и психических ограничений, посредством которых капитал, или классовое общество, или этатизм, или общество спектакля экспроприируют повседневную жизнь, время нашей жизни. Настоящий враг — это не объект отдельно от жизни. Это организация жизни силами, оторванными от нее и обращенными против нее. Настоящий враг — это аппарат, а не его персонал. Но именно через аппаратчиков и всех, кто участвует в системе, проявляются господство и обман. Тотальность — это организация всех против каждого и каждого против всех. Она включает всех полицейских, всех социальных работников, всех офисных работников, всех монахинь, всех обозревателей, всех наркобаронов от Медельина до Апджона, всех синдикалистов и всех ситуационистов. [14: B. Black, 'The sphinctre of anarchism,' in *Beneath the Underground* (Portland, OR: Feral House, 1994), p. 33.]

Связь, заложенная в современном анархистском мышлении, между сопротивлением господству как социальной динамике и сопротивлением социальным институтам (в широком понимании) теперь может быть сформулирована более четко. В то время как сопротивление оказывается, по сути, господству как основной социальной динамике, сопротивление рассматривается как протекающее через конфронтацию с институтами, через которые осуществляется это господство. В таком чтении институты, такие как государство, капиталистическая система собственности и труда, а также такие институты, как семья, школа и многие формы организованной религии, являются тем местом, где конкретно расположены авторитарные, индоктринальные и дисциплинарные механизмы, закрепляющие режимы господства. Сопротивление полицейским репрессиям или заключению в клетки беженцев и нелегальных иммигрантов в более широком смысле направлено на государство как источник полицейской или иммиграционной политики. Акты сопротивления в самом прямом смысле являются «анархическими», когда они воспринимаются действующим лицом как частные реализации более системной оппозиции таким институтам.

Предыдущее описание доминирования, созданное анархистами, обогащает наше понимание их репертуара действий и более широких «стратегических» ориентаций на социальную борьбу. Такое «семейное» понятие, как господство, отражает приверженность анархистов децентрализации в процессе сопротивления. Среди анархистов широко распространено мнение, что борьба против господства является наиболее информированной, мощной и честной, когда ее предпринимают те, кто находится в пределах этой динамики (хотя очевидно, что мужчины могут бороться против патриархата, белые — противостоять расизму и т. д.). Таким образом, импульс к отмене господства оценивается разнообразием его действий, объясняя анархистский рефрен, согласно которому «единственное настоящее освобождение — это самоосвобождение», и обосновывая свой отказ от патернализма и авангарда.

Напряжение между спецификой господств и необходимостью артикулировать их совместно отражается в (часто положительном) напряжении между единством и разнообразием в анархистском взгляде на борьбу — само анархическое движение представляет собой сеть автономных сопротивлений. Последние сохраняют привилегированное положение в выражении своего угнетения и определении своей борьбы с ним, но также находятся в постоянном общении, взаимопомощи и солидарности друг с другом.

Прямое действие/префигуративная политика

Это приводит нас к рассмотрению второго концептуального кластера, который характеризует современный анархизм, — кластера, окружающего анархистскую стратегию или методологию социальных изменений. Здесь в подавляющем большинстве случаев встречается этос «прямого действия» — действия без посредников, при котором человек или группа людей используют свои собственные силы и ресурсы, чтобы изменить реальность в желаемом направлении. Анархисты деконтекстируют прямое действие как вопрос взятия социальных изменений в свои руки, непосредственно вмешиваясь в ситуацию, а не обращаясь к внешнему агенту (обычно к правительству) с просьбой исправить ее. Чаще всего прямое действие рассматривается как превентивное или деструктивное. Если люди возражают, например, против сплошных рубок леса, тогда принятие прямых мер означает, что вместо (только) подачи петиции или участия в судебном процессе они будут буквально вмешиваться, чтобы предотвратить сплошные рубки, — приковав себя цепью к деревьям, или засыпав сахар в бензобаки бульдозеров, или совершив другие акты разрушения и саботажа — их цель — напрямую помешать или остановить проект.

Тем не менее, прямое действие также может быть вызвано конструктивным образом. Таким образом, исходя из предпосылки прямого действия, анархисты, предлагающие социальные отношения, свободные от иерархии и господства, строят их самостоятельно. Это представляет собой расширение прямого действия до «префигуративной политики», направленной на определение и реализацию анархических социальных отношений в рамках существующего общества, не в последнюю очередь в рамках коллективных структур и деятельности революционного движения — идея о том, что «трансформирующее социальное движение обязательно должно предвидеть пути и средства ожидаемого нового общества,» [15: B. Tokar, 'The enemy of nature' (review), *Tikkun*, 18 (1)] как «приверженность анархизма к свержению капитализма, используя только стратегию, которая является эмбриональным представлением анархистского социального будущего». [16: J. Carter and D. Morland, 'Anti-Capitalism: Are we all anarchists now?', in Carter and Morland (Eds), *Anticapitalist Britain* (Gretton: New Clarion Press, 2004), p. 79.] Таким образом, прямое действие оформляется как двойная стратегия конфронтации, направленной на то, чтобы делегитимизировать систему и массового строительства альтернатив снизу, что выражается в приверженности «быть переменной» на любом уровне — от личных отношений, направленных на борьбу с сексизмом и расизмом, до устойчивой жизни и общин. Таким образом, цели движения «рекурсивно встроены в [его] повседневную деятельность и организационный стиль. Это очевидно в аффинити-группах, децентрализованной организации, принятии решений на основе консенсуса, уважении различных мнений и общем

внимании как к процессу, так и к результатам активизма» [17: S. Buechler, *Social Movements in Advanced Capitalism* (Oxford: Oxford University Press, 2000), p. 207.]

Погоня за префигуративной политикой является неотъемлемым аспектом анархистской стратегии, поскольку коллективы, коммуны и сети, в которые они вовлечены сегодня, сами по себе являются основой реалий, которые заменят нынешнее общество. В этой связи коллективно управляемые массовые проекты являются семенами будущего общества «в скорлупе старого». Чтобы социальные изменения были успешными, способы организации, которые заменят капитализм, государство, гендерное разделение труда и так далее, должны быть подготовлены одновременно (но не вместо него) с нападением на существующие институты. Таким образом, «сам процесс построения анархистского движения снизу рассматривается как процесс объединения, самодеятельности и самоуправления, который в конечном итоге должен привести к тому революционному «я», которое может действовать, изменять и управлять аутентичным обществом» [18: M. Bookchin (1980) 'Anarchism past and present,' *Comment*, 1 (6)]

Вездесущий признак анархического политического выражения, прямое действие было присуще повстанческим традициям исторического анархизма, саботажу и противостоянию «на этапе производства» (рефрен, придуманный боевиками IWW), а также при формировании коммун, бесплатных школ и вооруженных формирований. Он вернулся к известности в 1970-х и 1980-х годах. Одним из основных направлений этого была ненасильственная блокада против ядерной энергии и оружия, объединившая пацифистов, первых защитников окружающей среды и феминисток, хотя и не традиционных левых. [19: Cf. *Midnight Notes, Strange Victories: The Anti-nuclear movement in the US and Europe* (London: Elephant Editions, 1985); and I. Welsh, 'Anti-nuclear movements: failed projects or heralds of a direct action milieu?' *Working Paper Series 11* (Cardiff University: School of Social Sciences, 2001).] Альянс Abalone, который в начале 1980-х вынудил закрыть атомную электростанцию Diablo Canyon в Калифорнии, заметил заметное участие женщин, которые открыто называли себя анархафеминистками⁽²⁾. Благодаря их участию

анарха-феминистки смогли многое сделать для определения политической культуры, которую Abalone завещало последующим воплощениям движения прямого действия. Эта политическая культура помогла создать больше места для внутренних различий в Abalone и в более поздних организациях, чем было в [альянсе] «Clamshell». Это усилило роль контркультуры в движении прямого действия и открыло движение духовности, которая позже стала одним из его наиболее заметных аспектов [...] анарха-феминизм усилил приверженность утопическому демократическому видению и политической практике, основанной на ценностях, ко-

⁽²⁾ С английского *anarcha* является «феминизированным» *anarcho*: то есть «анархо» с искусственно добавленным феминитивом. Выражение сложно перевести на русский напрямую; хотя транслитерацией будет, действительно, «анарха-феминизм», смысловым переводом могло бы быть «анархия-феминизма» или что-то подобное. Отказ от тире («анархафеминизм» вместо «анарха-феминизм») подчёркивает идентичность идеологии: «это не просто подвид анархизма, это отдельная политическая идея». *Прим. редактора.*

торые он содержал. [20: В. Epstein, *Political Protest and Cultural Revolution: Non-violent direct action in the 1970s and 1980s* (Berkeley, CA: University of California Press, 1991), pp. 95–96.]

Прямое действие в его «конструктивном» аспекте можно было наблюдать на протяжении всего этого периода в многочисленных самоорганизованных городских и сельских общинах, которые были созданы в этот период в Европе и Северной Америке. Также имели место более жестокие прямые действия, в первую очередь против режима Франко и во время бомбардировок Angry Brigade в Великобритании. Начиная с 1980-х годов, прямые действия также стали основным методом политического выражения радикальных экологических движений, как, например, в защите дикой природы «*Earth First!*» или более широкой социальной и экологической борьбы, такой как британское движение против дорог. [21: Cf. D. Wall, *Earth First! and the Anti-Roads Movement* (London: Routledge, 1999); B. Seel, M. Patterson and B. Doherty, *Direct Action in British Environmentalism* (London: Routledge, 2000).]

В то же время многие активисты все больше отходили от моделей организации сверху вниз, которые характеризовали старых европейских левых, а также американских групп, таких как Национальная организация женщин, крупные коалиции против войны во Вьетнаме или Студенты за демократическое Общество (а позже и его мнимые «революционные кадры» Метеорологи). Начиная с 1970-х, движения все чаще стали организовываться децентрализованно без (формальных) структур или лидеров, вдохновляясь критикой политической централизации, исходившей, в частности, от Новых левых в конце 1960-х и феминистских кругов в 1970-х. [22: E.g. D. and G. Cohn-Bendit, *Obsolete Communism—The Left Wing Alternative* (Edinburgh: AK Press, 2001).] Например, антиядерные блокады и саботаж часто организовывались посредством сотрудничества децентрализованных аффинити-групп, утверждая, что движение должно моделировать социальные структуры, которые оно ожидает, в своей собственной организации. В то же время участие в этих действиях квакеров и феминисток (анархических и других) привело к появлению методов принятия консенсусных решений и структур «говорящих советов» для координации между делегатами аффинити-групп — до тех пор совершенно чуждых анархистам, но сегодня занимающих заметную, но оспариваемую, позицию в анархической организации. Позже «автономистские» движения в Италии и Германии распространяют децентрализованную логику коллективных действий в антагонизме к государству, еще больше закрепив этот аспект анархистской политической культуры.

Таким образом, прямое действие и префигуративная политика были восстановлены в качестве центрального элемента мировоззрения современных анархистов. Усилия по созданию и развитию горизонтального функционирования в любой среде коллективных действий и поддержанию постоянного осознания межличностной динамики и того, как она может отражать социальные модели исключения, придают столь же важному значению, как планирование и проведение кампаний, проектов и прямого действия. В современном анархистском дискурсе никогда не утверждается, что соображения эффективности или единства оправдывают ослабление этого акцента. Развитие неиерархических структур, в которых господство постоянно оспаривается, для большинства анархистов является самоцелью.

Явным показателем важности, которую анархисты придают префигуративной политике, является ее решающая роль в определении их солидарности и готовности сотрудничать с неанархистскими движениями. Анархистов довольно часто находят союзниками, на временной или довольно регулярной основе, с самоорганизованными движениями рабочих-мигрантов, крестьянскими ассоциациями, антимилитаристскими инициативами, кампаниями против жестокости полиции и т. д., которые не имеют явно анархической ориентации. Такие группы могут не иметь радикальной критики капитализма, полностью сосредотачивать свою работу на одном вопросе или ограничивать свои политические программы реформами конкретных институтов, а не искать тот тип социальных преобразований, который одобряют анархисты. Но когда я спрашивал активистов, почему им удобнее работать с некоторыми неанархистскими группами, а не с другими, я часто получал ответ, что это фактор внутреннего процесса этих групп. Их общая траектория к внутренне демократическим, личным методам организации и их стремление выйти за пределы сексистских или расистских стереотипов среди своих собственных членов в значительной степени определяют солидарность анархистов и желание сотрудничать с ними. Это не означает, что анархисты не будут выявлять свои разногласия с такими группами или ставить под сомнение то, что они видят в качестве их ограниченных взглядов — но это обычно принимает форму (иногда жарких) дебатов между союзниками, а не ставит под сомнение сам альянс. Точно так же анархисты чувствуют себя гораздо менее комфортно, сотрудничая с крупными бюрократическими НПО, которые не уделяют особого внимания горизонтальным внутренним структурам, даже если они действительно занимают довольно радикальную позицию в отношении капитализма, продвигают многоплановый анализ или призывают к расширению прав и возможностей широких масс от зубов наружу.

Наконец, следует подчеркнуть, что стремление анархистов к префигуративной политике прямого действия тесно связано с индивидуалистическим аспектом анархизма. Анархисты часто объясняют свои действия и способы организации тем, что они предназначены не только для помощи в общих социальных преобразованиях, но и для максимального освобождения. При таком прочтении мотивация анархистов к участию в префигуративной политике заключается просто в их желании жить в освобожденных социальных отношениях. По словам американского анархического издательского коллектива CrimethInc.,

Крайне важно, чтобы мы стремились к изменениям не во имя какой-либо доктрины или великого дела, а во имя самих себя, чтобы мы могли жить более значимой жизнью. Точно так же мы должны стремиться в первую очередь изменить содержание нашей собственной жизни революционным образом, а не направлять нашу борьбу на всемирно-исторические изменения, до свидетельства которых мы не доживём. Таким образом мы избежим чувства никчемности и отчуждения, которое возникает из-за веры в то, что необходимо «пожертвовать собой ради дела», и вместо этого жить, чтобы ощутить плоды наших трудов ... в самих трудах. [23: *CrimethInc collective, 'Alive in the land of the dead.'* Internet: <http://www.crimethinc.com/library/english/alive.html>]

Разнообразие и открытость

Третий и последний концептуальный кластер в идеологическом ядре современного анархизма связан с его видениями будущего. Здесь дискурс анархистов решительно выражает открытую тенденцию, избегая как идеи революционного закрытия, так и унитарных планов для «анархистского общества», в пользу проекта, основанного на разнообразии и постоянных экспериментах. Это не совсем ново — одним из ярких предшественников является следующее заявление Рудольфа Рокера:

Анархизм — это не очевидное решение всех человеческих проблем, не утопия совершенного общественного строя, как его так часто называют, поскольку в принципе он отвергает все абсолютные схемы и концепции. Он не верит ни в абсолютную истину, ни в определенные конечные цели человеческого развития, а в неограниченную возможность совершенствования социальных механизмов и условий жизни людей, которые всегда стремятся к высшим формам выражения и к которым по этой причине нельзя отнести никакой определенный конечный пункт или фиксированную цель. [24: R. Rocker, *Anarcho-Syndicalism* (New York: Secker and Warburg, 1938). Internet: http://www.spunk.org/library/writers/rocker/sp001495/rocker_as1.html]

Этот тип мышления, однако, стал гораздо более распространенным в современном анархизме, где приверженность разнообразию и свободному экспериментированию с социальными и культурными альтернативами в настоящем времени стала центральной точкой опоры. Это связано с тем же процессом сплетения социальных движений, рассмотренным ранее, в результате которого активисты выработали плюралистическую ориентацию, в которой единство анализа и видения не акцентировалось как мера соответствующей политической принадлежности, что способствовало возможности создания различных *специальных* коалиций. Возможно, это было результатом интригующего обстоятельства, при котором несколько движений одновременно стремились обеспечить всеобъемлющие, тотальные перспективы в качестве точки обзора для их анализа и действий, как в случае некоторых направлений феминизма, глубокой экологии и послевоенного развития марксизма, например, итальянской автономистской теории. Возникновение таких парадоксальных «конкурирующих холизмов» и их собственных версий источников мировых проблем (патриархат, индустриализм и/или антропоцентризм, продолжающееся классовое разделение и т. д.) иногда приводило к закреплению и нежеланию признавать другие точки зрения. В других случаях, однако, активисты отвернулись от единого анализа и обратились к «теоретическому плюрализму», который был готов придать равную легитимность различным взглядам и нарративам борьбы. Это вытеснило теоретическое единство в пользу восходящего подхода к социальному теоретизированию и

параллельного интереса к множеству творческих формулировок социальных альтернатив.

Мы должны немного отвлечься и отметить, что такая ориентация имеет очевидное сходство с постструктуралистской мыслью. Действительно, в последние несколько лет наблюдается рост интереса к изучению соответствий между анархистской политикой и разнообразными интеллектуальными течениями, связанными с постструктурализмом. Сол Ньюман описывает это стремление как «использование постструктуралистской критики [для] теоретического обоснования возможности политического сопротивления без эссенциалистских гарантий», поиск фундаментальной критики авторитета в таких аспектах, как «отказ Фуко от «существенного» различия между безумием и разумом; атака Делёза и Гваттари на эдипову репрезентацию и государственную мысль; [и] сомнение Деррида в предположении философии о важности речи над письмом» [25: S. Newman, *From Bakunin to Lacan: Antiauthoritarianism and the Dislocation of Power* (Lanham: Lexington Books, 2001), p. 158.] Более того, утверждалось, что анархизм имел косвенное влияние на развитие самого постструктурализма, учитывая, что основные теоретики, связанные с этим течением — Бодрийяр, Лиотар, Вирилио, Деррида, Касториadis, Фуко, Делёз, Гваттари — все они были активными участниками французских майских событий 68 года, имевших сильное либертарное измерение, и впоследствии развили свои теории. [26: D. Kellner, *Introduction to A. Feenberg and J. Freedman, When Poetry Ruled the Streets: The French May Events of 1968* (Albany, NY: SUNY Press, 2001), p. xviii.] Современный постструктуралистский анархизм (или просто «постанархизм»), таким образом, предполагает использование постструктуралистских ресурсов для конкретизации новой критики и теорий с сильным анархическим уклоном, в сочетании с явной критикой укорененности классического анархизма в эссенциалистском гуманизме Просвещения и упрощенных концепциях социальной динамики. [27: *Дополнительную информацию и онлайн-ресурсы см. на <http://www.postanarchism.org/>*] Например, Тодд Мэй указал на тенденцию классических анархистов воспринимать власть монолитно, как способность, сосредоточенную в государстве и махинациях правящего класса. [28: T. May, *The Political Philosophy of Poststructuralist Anarchism* (University Park, PA: Penn State University Press, 1994).] Опираясь на Фуко и современных феминистских и квир-теоретиков, Мэй и другие утверждают, что несвобода человеческих существ не сводится к наличию явных иерархических структур и явного принуждения, а часто является коварной динамикой, воспроизводимой посредством перформативных дисциплинарных актов, в которых главные герои могут даже не осознавать свои роли. Фуко, как известно, исследовал, как сила выражается в «капиллярах» социальных отношений, в культурной грамматике, рутинных практиках, социальных механизмах и институтах — в гораздо более тонкой и действенной форме, чем в ее более грубых выражениях как военное насилие. Эти идеи подпитывают постанархистскую критику власти, которая выходит за рамки структурных характеристик иерархии, указывая при этом на новые возможности для сопротивления. Следует подчеркнуть, что постструктуралистский анархизм остается интеллектуальным занятием, ограниченным горсткой писателей, а не подлинным выражением или влиянием на массовое мышление и дискурс масс активистов (что, конечно, не умаляет его важность как теоретического усилия).

Возвращаясь к интеллектуальному плюрализму, следует упомянуть еще один важный фактор — укоренённость зарождающегося анархистского движения в западных субкультурах. На протяжении 20 века анархистские идеи привлекали субкультурные и художественные движения, такие как дадаизм, сюрреализм и биты. С 1960-х годов это влечение приобрело гораздо больший размах с появлением феномена «контркультуры». Панк-субкультура была наиболее важной питательной средой для анархистов на протяжении последних двух десятилетий из-за ее оппозиционного отношения к мейнстримному обществу и тесной связи с анархистской символикой. Радикальные экологические группы, такие как *Earth First!*, заимствуют из многих «духовных» традиций, включая язычество, буддизм и различные духовности нью-эйдж и индейцев. Помимо создания множества пространств альтернативного культурного и социального воспроизводства — от коммун и сквотов до фестивалей и журналов — субкультуры также послужили импульсом для признания большой степени разнообразия в типах социокультурных ориентаций, которые можно было бы представить в посткапиталистическом, постгосударственном обществе. Сосредоточение Колина Уорда на повседневных взаимодействиях без иерархии и отчуждения [29: C. Ward, *Anarchy in Action* (London: Freedom Press, 1973)] и многочисленные ситуационистские исследования анархистской микрополитики сопротивления и реконструкции в повседневной жизни стали еще двумя важными вкладами в этот процесс.

Самоотстранение от единых видений и ожидаемое завершение «успешного» революционного проекта очень ярко проявляются в вдохновленных анархистами произведениях художественной литературы и воображения, в которых переориентация анархистского утопического горизонта находит богатое и острое выражение. Роман Урсулы Ле Гуин 1974 года «Обделённые» изображает анархистское общество, которое далеко от совершенства и безпроблемности. Главный герой, Шевек, вынужден покинуть свое анархистское общество на луне Анарреса не потому, что он отвергает его основные анархистские идеалы, а потому, что он видит, что некоторые из них больше не находят адекватного отражения на практике, в то время как другие необходимо пересмотреть, чтобы дать больше места индивидуальности. За 170 лет с момента своего создания, после отделения массы революционных анархистов с родной планеты Уррас, общество анарресцев стало свидетелем роста ксенофобии, неформальной иерархии в административных синдикатах и аппарата социального контроля через обычаи и давление сверстников. Все это способствует конформности, которая препятствует самореализации Шевека в его стремлении к своему жизненному проекту, развитию новаторского подхода в теоретической физике. Шевек олицетворяет продолжающуюся важность инакомыслия даже после отмены капитализма и правительства. Уходя и основывая Синдикат Инициативы, он становится революционером внутри революции и инициирует изменения в анархистском обществе:

Нашей целью с самого начала — нашего Синдиката, этого моего путешествия — было встряхнуть, взбудоражить, разрушить некоторые привычки, заставить людей задавать вопросы. Вести себя как анархисты! [30: U. Le Guin, *The Dispossessed* (London: Gollancz, 2002), p. 316.]

Проект Шевека возрождает дух инакомыслия и нонконформизма, который в первую очередь вдохновлял первоначальное создание анархистского общества на

Анарресе. Как замечает Раймонд Уильямс, эта динамика изображает «Обделённых» как «открытую утопию: принудительно раскрытую после застывания идеалов, вы-рождения взаимности в консерватизм; сознательно переключившуюся из достигну-того гармоничного состояния, застоя, в котором классический утопический режим достигает кульминации, к беспокойному, открытому, рискованному эксперименту». [31: R. Williams 'Utopia and science fiction,' *Science Fiction Studies*, 5 (3), 1978; Internet: <http://www.depauw.edu/sfs/backissues/16/williams16art.htm>]

Похожая открытая утопия — это видение альтернативного общества, изложенное в книге «боло'боло» цюрихского автора П.М. В этой книге не только признается, но и ценится тот тип нестабильности и разнообразия социальных отношений, к которому может привести устранение всякого внешнего контроля над поведением отдельных лиц и групп. Мировая антисистема, называемая боло'боло, представляет собой мозаику, в которой каждое сообщество (*боло*), насчитывающее около пятисот жителей, является настолько самодостаточным в плане питания, насколько это возможно, и имеет полную автономию для определения своего этоса или «вкуса» (*нима*). Стабильность обеспечивается минимальным, но универсальным общественным договором (*шила*), подкрепленным репутацией и взаимозависимостью. [32: P.M., *bolo'bolo* (New York: Autonomedia, 1985), pp. 68–70.] Этот договор гарантирует, например, что каж-дый человек (*ибу*) может в любое время покинуть своё родное *боло* и имеет право на однодневный рацион (*ялу*) и жильё (*гано*), а также лечение (*бете*) в любом *боло*. Предлагается даже дуэльный кодекс (*яка*) для разрешения споров. Однако,

Нет никаких гуманистических, либеральных или демократических зако-нов или правил, касающихся содержания нима, и нет государства, которое бы их соблюдало. Никто не может помешать боло совершить массовое самоубийство, умереть от экспериментов с наркотиками, довести себя до безумия или стать несчастным в условиях жестокого режима. Боло с бандит-нимой могли терроризировать целые регионы или континенты, как это делали гунны или викинги. Свобода и приключения, всеобщий терроризм, клубный закон, набеги, племенные войны, вендетты, грабежи — всё дозволено⁽³⁾. [33: P.M., *bolo'bolo* (New York: Autonomedia, 1985), pp. 68–70, pp. 77–78]

Хотя не все анархисты захотят зайти так далеко, суть здесь в том, что любая анархическая ориентация, которая смотрит на отсутствие закона и власти, должна также предвидеть большое разнообразие в способах, которыми сообщества избира-ют социальную и экономическую самоорганизацию. Кроме того, приверженность неограниченному разнообразию должна побудить анархистов отреагировать на возможность повторного возникновения моделей господства внутри и/или среди сообществ, даже если в определенный момент они были сознательно преодолены. Таким образом, анархисты будут склонны признать, что «цена вечной свободы — это вечная бдительность». [34: W. Phillips 'Speech in Boston, Massachusetts, January 28'; in *Speeches Before the Massachusetts Anti-Slavery Society* (Boston, R. F. Wallcut, 1852), p.

⁽³⁾ Стоит отметить, что автор книги открыто придерживается солипсистских идей, что может быть важно для понимания некоторых его идей. Прим. редактора.

13.] Если кто-то настаивает на потенциальной необходимости анархического вмешательства при любых условиях, то идея закрытия революционного проекта теряет свой смысл. В лучшем случае «анархистское общество» будет таким, в котором все являются анархистами, то есть обществом, в котором каждый человек действует против власти и господства. Безусловно, мы надеемся, что частота потребности в этом может значительно снизиться по сравнению с тем, что анархистский подход считал бы необходимым в нынешних обществах. Однако нет никаких оснований думать, что это может быть удалено навсегда.

Основной вывод, который анархисты могут делать (и часто делают) из отделения своего проекта от постреволюционной точки покоя, — это перенести свое понятие социальной революции в настоящее время. Возвращаясь к индивидуалистическому обоснованию префигуративной политики, обсуждавшемуся ранее, анархические способы взаимодействия — неиерархические, добровольные, кооперативные, солидарные и игровые — больше не рассматриваются как характеристики, на которых можно моделировать будущее общество, а скорее как вездесущий потенциал здесь и сейчас. Такой подход продвигает анархию как культуру, как живую реальность, которая появляется повсюду в новых обликах, адаптируется к различным культурным климатам и должна быть расширена и экспериментально развита *ради самой себя*, независимо от того, верит ли кто-то, что она может стать в каком-то смысле, преобладающим укладом общества. Кроме того, это равносильно продвижению анархии как особенности повседневной жизни в обыденной обстановке, такой как «встреча по изготовлению стёганных одеял, званый обед, чёрный рынок... общество защиты соседей, клуб энтузиастов, нудистский пляж» [35: *Hakim Bey 'The Willimantic/Rensselaer Questions,' in Mike Gunderloy and Michael Ziesing, Anarchy and the End of History (San Francisco, CA: Factsheet Five Books, 1991), pp. 87–92.*] Таким образом, анархисты не должны «вводить» новое общество, а должны максимально реализовать его в настоящем времени.

Заключение

Анархизм, возродившийся в качестве последовательного глобального движения за последнее десятилетие, стал местом многочисленных реконфигураций, которые отличают его от предыдущих циклов леволибертарного политического выражения. Сетевые структуры заменяют формальные федерации и союзы, больший упор делается на прямое действие и культурные эксперименты, а цель сопротивления распространяется от государства и капитала на все формы господства. В этой статье предпринята попытка сломать некоторые исходные позиции в исследовании современного анархизма, очерчивая его зарождающееся идеологическое ядро на основе интимной привязанности к активистскому дискурсу и грамотного отбора и чтения текстов. Возникающая картина анархической идеологии была связана с материальными процессами развития общественного движения, взаимного обогащения и сплетения, которые создали новую формулировку антиавторитарной деятельности и политического языка — «перезагрузку анархизма».

В то время как эта статья в основном исследовала идеологическое ядро анархизма, концептуальные кластеры которого представляют собой широкий консенсус, лежащий в основе анархической организации, еще многое предстоит изучить с точки зрения напряженности, которая имеет место на арене, которую они разграничивают. Наиболее заметными и непокорными из них являются дискуссии о «внутренней иерархии» или «лидерстве» в движении; споры об определении, оправдании и эффективности насилия; споры об анархистских позициях вокруг технологий и современности; и возникающий набор дилемм вокруг международной солидарности и поддержки «национально-освободительной» борьбы народов в большинстве стран мира. Исследование этих противоречий и способов, которыми они побуждают активистов генерировать творческие и часто конфронтационные дискурсы в рамках периметров, определяемых идеологическим ядром, остается чрезвычайно интересной задачей для исследователей.

Тем не менее, если есть одно сообщение, которое эта статья могла бы донести, так это то, что современный анархизм должен восприниматься чрезвычайно серьезно изучающими идеологию. Повторная конвергенция анархической политики привела к возникновению, возможно, самого большого и наиболее последовательного, динамичного и быстро развивающегося революционного движения в развитых капиталистических странах. Как таковая, она заслуживает пристального внимания со стороны исследователей, которые хотят раскрыть процессы политического выражения, определения повестки дня, формирования идентичности и идеологического развития в социальных движениях, а также со стороны политологов с социальными взглядами, которые хотят связать свои концептуальные усилия с более широким и более интегрированным массивом социальной критики и предложений по изменению.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Ури Гордон
Анархизм: перезагрузка
2020 г.

Скопировано 24.12.2024 с https://vk.com/@post_anarchism-anarchism-reloaded

ru.anarchistlibraries.net